

- 2.2. «Трудовой народ» и классовый подход, возможности соприкосновения.
- 2.3. Против общего врага: эсеро-меньшевистская коалиция в условиях большевистской власти и белых диктатур.
3. Взгляды Плеханова и консолидация российского общества в Мировой войне.
 - 3.1. Интернационализм или «революционное оборончество».
 - 3.2. «Защита отечества как общенациональное дело»; возможный союз с либералами.
 - 3.3. «Пролетариат не имеет отечества»?

А. А. Чернобаев (Москва)

Г. В. ПЛЕХАНОВ И М. Н. ПОКРОВСКИЙ: СУДЬБЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Для уяснения сути рассматриваемой проблемы, ее значения в деле дальнейшего изучения жизни и деятельности Г. В. Плеханова и М. Н. Покровского считаю необходимым сделать несколько предварительных замечаний. Как известно, понятие «интеллигенция» (термин возник не ранее 60-х гг. XIX в.) крайне многогранно. В отечественной исторической и философской литературе оно трактуется в широком и узком смысле слова. Если рассматривать его широко, как социальный слой, объединяющий людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом и художественным творчеством (учителя, врачи, инженеры, ученые, люди свободных профессий, чиновники, служащие различных государственных и частных учреждений), то по своему содержанию оно близко к понятию «интеллектуалы», используемому в современной западной литературе. В России в начале XX в., под влиянием полемики, развернувшейся в связи с появлением сборника «Вехи» (1909), авторы которого в принципиальном плане поставили вопрос об исторической ответственности интеллигенции перед обществом, значительное распространение получает более узкая трактовка этого термина. Так, С. Н. Булгаков писал, что понятие «интеллигенция» следует использовать применительно к социальной группе, «искусственно выделяемой из общественной жизни», находящейся «под двойным давлением: давлением казенщины внешней — реакционной

власти и казенщины внутренней — инертности мысли и консервативности чувств». По его определению, интеллигенция — это часть образованного класса, которая посвятила себя делу «освободительного движения» и отличается «своим мировоззрением, навыками, вкусами, даже социальными замашками». В то же время Булгаков считал интеллигенцию «духовной виновницей большевизма», «передовым отрядом мирового мятежа... от Бакунина до Ленина».

Такой подход к трактовке понятия «интеллигенция» и ее роли в жизни российского общества вызвал критику как «справа», так и «слева». По мнению кадетов и либералов, веховцы приписали всей интеллигенции настроение, свойственное в большей или меньшей степени лишь некоторым ее группам. Социал-демократы считали, что авторы «Вех» и другие представители «внесословной» интеллигенции показали свою неспособность стать идеологами самого передового класса — пролетариата. Исходя из установки на утверждение «царства социальной справедливости», социал-демократическая интеллигенция стала носительницей идей революционного переустройства общества. Одной из ее характерных черт была крайняя политизация социальных и этических ценностей. Это в значительной степени отразилось как на жизненных судьбах ее представителей, так и на последующем развитии нашей страны.

Делая такой вывод, хочу вместе с тем подчеркнуть: нельзя согласиться с появившимися в последние годы упрощенными трактовками о «фанатиках-революционерах», виновных во всех бедах, обрушившихся на Россию в XX столетии. Три русские революции, в которых приняли самое активное участие миллионы граждан, — вовсе не дело рук неких «социалистов-утопистов» или «отщепенцев», а то и агентов иностранных государств. Колоссальные катаклизмы, пережитые страной, имеют глубокие корни, неразрывно связаны с историческим развитием, причем, не только России, но и всего мира. Идеи социальной справедливости вдохновляли мыслителей всех народов и находили многочисленных сторонников. Переоценка духовных и нравственных ценностей происходит и в наше время. Это требует, в свою очередь, обращения к анализу прошлого, «нового прочтения» усилий предшествующих поколений, направленных на переустройство общества.

Исследование жизненных судеб русской революционной интеллигенции давно привлекает мое внимание. Этой проблеме посвящены

мои книги и статьи об А. Я. Аросеве, А. К. Воронском, М. Н. Покровском, Н. А. Рожкове, Д. Б. Рязанове, А. И. Тодорском, А. Г. Шляпникове¹. Каждый из них — яркая индивидуальная личность. Несмотря на различие в возрасте, профессии, образовании, опыте участия в революционном движении, всех их объединяет идея служения народу. Не следует идеализировать жизнь «людей революции» и первых послереволюционных лет, что было характерно для советской историографии, нашло отражение и в моих публикациях. Но столь же непропорционально и охаивание всего и вся в их деятельности. Лишь всестороннее, объективное освещение поисков и свершений русской революционной интеллигенции, ее «взлетов и падений» позволит воссоздать достоверную картину той эпохи.

В связи со сказанным несомненный научный интерес представляет изучение истории взаимоотношений Г. В. Плеханова и М. Н. Покровского. Эта тема еще не получила, по существу, отражения в литературе². Между тем, их судьба достаточно характерна для представителей русской революционной интеллигенции начала XX в. Не имея возможности в небольшом выступлении раскрыть все стороны этой проблемы, кратко остановлюсь лишь на некоторых из них.

При всей разнице жизненного и творческого пути Плеханова и Покровского в их биографиях немало общего. Оба по происхождению дворяне, получившие хорошее образование и всегда пополнявшие его путем самообразования. И тот, и другой активно участвовали в социал-демократическом движении, за что подвергались преследованиям со стороны царских властей и вынуждены были долгие годы жить за границей, в эмиграции. Как Плеханов, так и Покровский занимались не только политической, но и научной деятельностью, с полным правом вошли в историю русской общественной мысли³. Объединяет их и «посмертная судьба». Если в 1920-е гг. Покровский считался признанным главой советских историков-марксистов, а отношение к Плеханову-марксисту было достаточно взвешенным, то впоследствии и вплоть до настоящего времени в отечественной историографии можно встретить самые противоречивые оценки их личных качеств и роли в политике, науке, культуре. Плюрализм мнений всегда был и будет характерной чертой подлинной науки. Неприемлемо другое — часто встречающиеся попытки исказить облик и историческое значение двух выдающихся представителей русской революционной интеллигенции.

О личных взаимоотношениях Плеханова и Покровского известно крайне мало. Труды «первого марксиста» России были, безусловно, знакомы Покровскому с середины 90-х гг. XIX в., когда он обратился к изучению марксизма. Однако впервые они встретились, вероятно, лишь в 1907 г. на V съезде РСДРП в Лондоне. В это время Плеханов и Покровский (на съезд он отправился под псевдонимом Домов) оказались в разных фракциях — один меньшевиков, другой большевиков. Покровский выступал в прениях 8 раз: по вопросам о порядке дня, об отношении к буржуазным партиям и др., резко критиковал меньшевиков, за что получил от них прозвище «прокурор». В одном из выступлений Домов заметил: «Тов[ариц] Плеханов напрасно навязал несвойственную мне роль прокурора, и еще более напрасно говорил он, что мы, большевики, стараемся переговорить их, меньшевиков. Я был убежден, что мы не обвиняем, а критикуем. Критикой и самокритикой была сильна с[оциал]-д[емократическая] партия, ею она жила и двигалась вперед. И не переговорить хотим мы, а столкнуться»⁴.

В годы эмиграции были созданы наиболее значительные исторические труды Покровского (5 томов в 10 выпусках «Русской истории с древнейших времен»; книга издана московским издательством «Мир» в 1910—1913 гг.) и Плеханова (3 тома «Истории русской общественной мысли», изданы в том же издательстве в 1914—1917 гг.). Оба сочинения написаны с позиций исторического материализма, на основе новейших для того времени достижений отечественной и зарубежной историографии, изучения авторами огромного количества опубликованных источников: в библиографии к «Русской истории...» Покровского значится 336 названий научных трудов⁵; в подготовительных материалах Плеханова упоминается около 500 изданий, с которыми он работал при написании «Истории русской общественной мысли»⁶. Фундаментальные труды историков-марксистов, несмотря на имеющиеся в них недостатки⁷, стали важным событием в научной и общественной жизни страны, прочно вошли в отечественную историографию.

Следует отметить, что Покровский в «Русской истории...» неоднократно ссылается на труды Плеханова. Среди них — «Русский рабочий в революционном движении», «Освобождение крестьян», «Неудачная история Народной Воли»⁸. Плеханов, в свою очередь, приступая к исследованию истории русской общественной мысли, не мог не заинтере-

ресоваться сочинением Покровского, предпринявшего первое марксистское систематическое освещение истории России от первобытнообщинного строя до конца XIX в. В Архиве Дома Плеханова сохранились его пометки и подчеркивания на страницах этого издания⁹. Ряд фрагментов книги Покровского Плеханов использовал — без указания на источник — в «Истории русской общественной мысли».

Замечу, что Плеханов одним из первых подверг критике вывод Покровского о якобы существовавшем в Московском государстве «торговом капитализме». Комментируя это положение, Плеханов писал: «М. Н. Покровский безусловно прав, полагая, что нельзя понять Петровскую реформу, не ознакомившись предварительно с экономикой Московского государства XVII столетия. Но и сам он вряд ли вполне точно характеризует это состояние»¹⁰. То, что царь в Московской Руси был тесно связан с торговлей, разъяснял Георгий Валентинович, не доказывает, что Русь была тогда страной «торгового капитализма», совсем напротив. Монополизация торговых привилегий правящей династией характерна для цивилизаций, в которых торговля развита слабо. В России это было вызвано ростом финансовых потребностей государства, порожденных военной необходимостью¹¹.

Нередко в литературе отмечается, что Плеханов относился к Покровскому «довольно критически»¹². Вероятно, так оно и было. Однако, к сожалению, никто из историков до сих пор не исследовал вопрос об их взаимоотношениях на конкретном материале. Это создает почву для разного рода спекуляций. Так, известный американский историк С. Х. Бэрон утверждает: «Плеханов не оставляет камня на камне от положения М. Н. Покровского — ученого-марксиста, впоследствии главы советской исторической науки — о „торгово-капиталистическом“ характере московского общества»¹³. Вышеприведенные слова Плеханова о том, что Покровский «вряд ли вполне точно характеризует это состояние» (т. е. состояние экономики Московского государства XVII в.), не дают оснований для столь категорического заключения.

Мой вывод из сказанного таков. История сотрудничества и противоборства двух видных представителей русской революционной интеллигенции — Г. В. Плеханова и М. Н. Покровского — нуждается в дальнейшем изучении. Это важно не только для достоверного воссоздания их биографий, но и всеобъемлющей картины участия представи-

телей всех групп и направлений российской интеллигенции в процессе модернизации страны.

Примечания

¹ См.: Чернобаев А. А.: 1) В вихре века [А. Я. Аросев]. М., 1987; 2) Главная книга Александра Воронского // История глазами историков. Межвузовский сборник научных трудов. СПб.; Пушкин, 2002. С. 252—258; 3) «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992; 4) Н. А. Рожков: судьба историка и политика (1917—1927 гг.) // Линия судьбы. Сборник статей, очерков, эссе. М., 2007. С. 553—568; 5) Д. Б. Рязанов и М. Н. Покровский: судьбы революционной интеллигенции // Д. Б. Рязанов — ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000. С. 49—58; 6) С винтовкой и пером [А. И. Годорский]. М., 1984; 7) «Враг народа» А. Г. Шляпников — против «отца народов» И. В. Сталина. 1920—1930-е гг. // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 378—392 и др.

² Роли Г. В. Плеханова и М. Н. Покровского в истории революционного движения, изучению ими проблем российской социал-демократии были посвящены мои доклады на предыдущих Плехановских чтениях (См.: Чернобаев А. А.: 1) М. Н. Покровский о становлении российской социал-демократии // II Плехановские чтения. 30.05.—31.05.91. Тезисы докладов. Л., 1991. С. 72—76; 2) III Плехановские чтения. 30—31 мая 1993. Тезисы докладов. СПб., 1993. С. 95—99; 3) Публикация документов Г. В. Плеханова на страницах журнала «Исторический архив» // IV Плехановские чтения. Историко-социологические проблемы общественных наук на рубеже тысячелетий: вторая половина XIX—XX вв. (Современное видение истории). 30—31 мая 1996 г. Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 89—92; 4) Г. В. Плеханов о судьбах России (от «Истории русской общественной мысли» к «Году на Родине») // V Плехановские чтения. Исторические судьбы России. 29.05—30.05.1999 г. Тезисы докладов. СПб., 1999. С. 76—80 (соавтор — Петренко Е. Л.); 5) М. Н. Покровский накануне и в годы Первой революции в России // VII Плехановские чтения. Россия в начале XX века: вступление в эпоху исторических преобразований. 30 мая — 1 июня 2005 г. Материалы к конференции. СПб., 2005. С. 61—64), а также выступление на торжественном собрании 9 декабря 2006 г. в Колонном зале Дома Союзов в Москве, посвященном 150-летию со дня рождения Г. В. Плеханова.

³ См.: Тютюкин С. В. Плеханов Г. В. // Общественная мысль России XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М., 2005. С. 404—407; Чернобаев А. А. Покровский М. Н. // Там же. С. 414—417.

⁴ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963. С. 293—294.

⁵ См.: Чернобаев А. А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992. С. 66.

⁶ См.: Пронина М. В. Труд Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли»: история создания, источники. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2005. С. 20.

⁷ Всесторонняя оценка основных исторических трудов Г. В. Плеханова и М. Н. Покровского, думается, еще впереди. Подробнее о работе Г. В. Плеханова над «Историей русской общественной мысли» см.: Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 267—279.

⁸ См.: Покровский М. Н. Избранные произведения в четырех книгах. Книга 2. Русская история с древнейших времен (тома III и IV). М., 1965. С. 374, 458, 462, 543, 550—552, 562.

⁹ АДП. РНБ. В 4469. Т. I. Кн. 1. С. 62, 102, 114, 118; Т. I. Кн. 2. С. 239; Т. II. Кн. 3. С. 98, 117 и др.

¹⁰ Плеханов Г. В. Сочинения. М.; Л., 1925. Т. XX. С. 258—259.

¹¹ Там же. С. 259—260.

¹² Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 271.

¹³ Бэрон С. Х. Г. В. Плеханов — основоположник русского марксизма. СПб., 1998. С. 366.

В. Ф. Солдатенко (Киев)

ГЕОРГИЙ ПЯТАКОВ — ГЕОРГИЙ ПЛЕХАНОВ: ЭПИЗОДЫ СОВПАДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

Современный исторический процесс продолжает раскрывать те страницы отечественного прошлого, которые были раньше неизвестны. До них не то чтобы не доходил пытливым ум исследователей: больше мешала идейно-политическая атмосфера, довлеющая и над наукой. Последняя, в частности была лишена возможности изучать исторический опыт с исчерпывающей или, хотя бы, желаемой полнотой, с обоснованным вниманием ко всем участникам политических процессов.

Наглядное тому подтверждение — деятельность Георгия Леонидовича Пятакова. Даже само его имя. Главная фигура процесса над лидерами «Антисоветского параллельного троцкистского центра» (ему приписывали роль руководителя), репрессированный Г. Л. Пятаков на долгие годы был объявлен «врагом народа» и если и не «вычеркнут» из исторических трудов (иногда его имя просто нельзя было обойти), то неизменно упоминался в негативном контексте. Это касалось и его роли в образовании Коммунистической партии Украины, когда 27-летний марксист стал ее первым секретарем, и деятельности на посту